

"Последний пасодобль Свята Чернышова"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Накануне медперсонал усиленно мыл, драил и скоблил все вокруг до блеска. Поговаривали, что должно пожаловать какое-то высокое начальство из Генерального штаба, чуть ли не сам Кваша. Но никто так и не появился. В коляске, нацепив на темно-синюю пижаму с белым воротничком боевой крест и раскатывая по коридору и палатам, маялся в ожидании гостей «спецназовец» Пашка Голов. Не дождавшись, разочарованный Пашка вернулся в палату.

- Сереге из соседней очень худо, - сообщил он. - Ослеп совсем. Как ему теперь жить? Не представляю.

- Главное, держаться, - отозвался лежащий у окна старший прапорщик Вишняков. - Ни в коем случае не надо опускать руки.

- Ты бы, Михалыч, еще про Мересьева рассказал!

- Что ж, и расскажу. Только сопли утрите. И нюни, как бабы, не распускайте. Был такой русский поэт, Василий Ерошенко. Его мало кто знает. Жил он еще в начале века. В трехлетнем возрасте он ослеп после тяжелой болезни. И кто-то посоветовал ему поехать в Англию, якобы там ему могут врачи вернуть зрение. Но, сами посудите, как совершенно слепой человек может отправиться чер-те куда, за тридевять земель, в чужую страну, тем более не зная иностранного языка? Но нашлись люди, которые вызвались помочь бедному парню. Тогда широко в мире был распространен международный язык эсперанто. Слыхали о таком?

- Слыхали, - глухо отозвался за всех Свят Чернышов, угрюмо уставившись в побеленный потолок, где в отраженных с улицы полосах мартовского солнца блуждали серо-голубые тени от людей, от качающихся деревьев.

- Язык этот очень гибок и легок в изучении. Выучить его - раз плюнуть. Главное, выучить имена существительные, а на их основе уже строятся остальные части речи.

- Скажешь тоже, тут в школе шесть лет долбишь иностранный и все коту под хвост. Думаешь, я чего-нибудь помню? - разочарованно откликнулся Пашка.

- Не мешай слушать! - резко прервал его лежащий с «аппаратом Илизарова» Дима Якимов.

- В России была самая мощная волна эсперантистов, потом товарищ Сталин их под корень извел как немецких шпионов, - продолжал Вишняков. - Так вот, Ерошенко за пару месяцев выучил язык и отправился в Англию. На протяжении всего пути слепому помогали эсперантисты других стран. В Англии ему, конечно, зрение не вернули. Потом его судьба забросила в Японию, где он прожил много лет. Даже преподавал там в университете. Писал

стихи на японском языке.

- Что-то верится с трудом, Михалыч. Поди, заливаешь?

- Не верите? Ну, тогда возьмем хотя бы нашего современника, Эдуарда Асадова, кстати, тоже поэта. Он слепой, потерял зрение на войне. Но мужик не сдался. Что значит железная воля. Ну уж про Валентина Дикуля, я думаю, вы все слышали? Он работал воздушным гимнастом в цирке, когда с ним приключилась беда. Страховка подвела. Упал из-под купола вниз на арену. Разбился. Повредил позвоночник. Несколько лет лежал без движения. Потом стал потихоньку, понемногу, шевелить пальцами ног. И пошло. Не сразу, конечно. Страшно страдал, но не жалел себя, давая нагрузки. А сейчас, кто бы мог подумать, силовой жонглер.

- Так это все талантливые, неординарные люди, - возразил Вишнякову Свят. - А Серега - простой деревенский пацан. Вот, скажи, на кой ему эта война обломилась? Изувечила, молодую жизнь исковеркала, будущее перечеркнула. Звезд, похоже, он в школе с неба не хватал. Вот и подумай, что его ждет впереди? Что ожидает его, калеку? Ничего хорошего!

- Пенсия с гулькин нос! И богадельня! - добавил, вдруг оживившись, Пашка, с трудом переключившись из коляски в свою койку. - Как пить дать, пропадет пацан.

- На его месте и ты бы пропал!

- Ну уж нет, мои болезные, я не сидел бы сиднем дома, а вкалывал за семерых.

- Каким же это образом? - спросил недоверчиво Димка. - Поясни, Пашуня.

- Я же на гражданке диджеем на дискотеке в доме культуры подрабатывал. Знаменитостью местной был. Заводил отдыхающую публику с полуоборота. Сопливые тинейджеры толпами валили на мои вечера. Девчонки были все мои. Со мной все считались, и отдел культуры, и чиновники по работе с молодежью. Так что я и хромой, и слепой найду себе занятие. Обузой никогда никому не был и не буду, - закончил Пашка, откинувшись на подушку.

Наступило продолжительное молчание. В палату заглянул скучающий Антошка Боженков из палаты напротив, присел на Пашкину койку. Он без правой руки: в окопе поднял брошенную боевиками «Муху», оказавшуюся с «сюрпризом».

- Ты чего, Антоха, кислый, как лимон? - поинтересовался Димка, пристально взглянув на бледного угрюмого гостя.

- «Фантомас» замучил. Всю ночь не мог уснуть.

- Говорят, что на «вертухах» есть такие штуки, тепловизоры называются, - снова заговорил Пашка. - Что с их помощью можно засечь спрятавшихся в лесу боевиков. Вроде бы они чувствуют тепло человеческих тел или тепло костра. Правда или нет?

- Да, это правда, есть такая штука, - ответил, помедлив, Вишняков.

- Так какого черта мы тогда носимся с этими ублюдками? Засекли в горах или лесу, так долби их. И в хвост и в гриву, козлов бородатых.

- Наверное, не все так просто, - ответил старший прапорщик.

- А мне, кажется, кому-то на руку это. Продают нашего брата. Все трепались про вакуумные

бомбы, все уши прожужжали, про точечные удары, про «черную акулу». Оказалось, все это туфта чистой воды! Лапши навешали!

- Трепачи, говорили, что с помощью авиации заминировали все горные тропы и перевалы! Про вакуумные бомбы вообще полнейшая брехня.

- Никому не верю! Предают нас все кому не лень. Чего далеко ходить, слышал, какого-то майора за жабры взяли, сволочь, через блокпосты блокированных наемников за «зеленое бабло» провозил на машине. А сколько оружия боевикам продали? Что, «Иглы» с неба им свалились?

Рядом с Пашкой с отрешенным лицом лежит худенький Макс, Максим Кранихфельд, молчит целыми днями. Его карие широко открытые глаза неподвижно смотрят в пространство и в них немой вопрос: «Господи, за что все это?» «Урал», на котором ОМОН возвращался на базу с операции, подорвался на радиоуправляемом фугасе. Он один из немногих, кто тогда уцелел.

Сегодня к нему приехали родители. Весь день в палате провели, рядом с сыном. Тихо плакали все трое.

- Вы не расстраивайтесь, - с трудом повернув голову к родителям Макса, проговорил загипсованный Вишняков. - Главное, повезло! Жив ваш сын. Других-то не вернешь.

- Да, остальные почти все погибли, взрыв был таким сильным, от машины ничего не осталось, - откашлявшись, хриплым голосом согласился отец. Он так взволнован, что постоянно снимает и протирает свои очки, щуря по-смешному близорукие глаза. Мать с покрасневшим заплаканным лицом оборачивается к Вишнякову, кивая. Ее маленькие тонкие, как у девочки, пальцы, беспокойно теребя мокрый от слез платок, мелко дрожат.

- Вон сколько ребят не вернулись, сколько их еще в Ростове в рефрижераторах неопознанных лежит, - продолжал Вишняков. - Многие сгорели. Жетонов нет. Узнать практически невозможно. Это у «американов» анализ на ДНК проводят, да слепки зубов и отпечатки пальцев берут. У них эта проблема решена, в свое время столкнулись с ней во Вьетнаме.

- А что жетон? - отозвался Пашка. - Вон парня недавно парализованного привезли. Пуля в позвоночнике застряла. С жетоном. В девятой сейчас. Только хрен его знает, что там за номер на нем выбит. То ли, это его личный жетон, то ли для форсу нацепил, где-нибудь найденную железяку. Никто толком не знает. Во все инстанции обращались. До сих пор неизвестно ни фамилии, ни части.

- Сейчас хоть жетоны, а в Отечественную солдаты специальные капсулы носили с бумажками внутри, в которые личные данные записывали, - сказал Михалыч. - Влага попала, и все.

- У меня двоюродный братишка, когда еще в школе учился, в лесу в Кременках под Москвой останки трех солдат откопал, - оживился Димка, приподнявшись на локте. - Без вести пропавших. Видно, снарядом их в окопе накрыло. У одного «смертник» был. Сам вскрывать не стал. Но прочесть его эксперты так и не смогли. Бумажка истлела.

Вечером, после ужина, лежали молча. Каждый думал о своем. Вишняков дремал, иногда ресницы на его осунувшемся бледном лице вздрагивали, и он морщился от боли. Свят пытался вспомнить лицо Марины, но ее милый лик почему-то все время перекрывало выплывающее неизвестно откуда каменное, в шрамах, лицо Трофимова с прищуренными холодными глазами. Максим водил пальцем по стене, ногтем сковыривая заусенцы и крошки от засохшей голубой

краски. «Спецназ», задумчиво уставясь в потолок, лениво грыз яблоки, которыми их угостили родители Кранихфельда. Лицом Пашка – вылитый актер Проханов в молодости, тот же курносый нос, такие же смеющиеся кошачьи глаза, та же шkodливая милая улыбка. Прямо как брат-близнец, но только с короткой стрижкой.

– Макс, фамилия у тебя какая-то странная. Из евреев, что ли? Или немцев? – вдруг Пашка обратился к молчаливому соседу.

– Сам ты еврей! Не видишь, у него нос курносый? Где ты хоть одного еврея с такой физиономией видел? – рассмеялся Димка, откладывая в сторону потрепанный журнал.

– Успокойся, из русских. Может, кто-то из древних предков и был немцем. Не знаю. Переводится – «журавлиное поле», – нехотя ответил Максим, вновь отворачиваясь к стене.

– Красиво! – отозвался Пашка и, опустив руку под кровать, бросил огрызок яблока в «утку». – Не то что у меня – рабоче-крестьянская, Голов. Потому что голый, голытьба. Замечательные у тебя предки, Макс. Я это сразу почувствовал, как только их увидел. А у меня матушка умерла, когда мне восемь лет было. Отец запил. Потом окончательно спился. Алконавт хренов! Даже на проводы в армию не пришел. Я все время с бабушкой жил, единственная добрая душа, кому я на белом свете еще нужен. Она у меня бывшая учительница, пасла меня – будь здоров. Все в разные кружки записывала, в спортивные секции меня водила. Ни на шаг от себя не отпускала. Боялась, что спутаюсь с дворовой шпаной и покачусь по кривой или по папашкиным стопам пойду. Горьким забулдыгой стану. Только зря она боялась, моя дорогая бабуля Антонина Матвеевна; посмотрелся я на батины выкрутасы во как, выше крыши. На его пьяные скандалы и дебоши. К спиртному отвращение теперь на всю жизнь.

– А я пропустил бы соточку-другую, – тихо сказал Вишняков.

– Михалыч, не грусти, старина! Вот завтра побрею тебя утречком и смотаюсь к Тане, глядишь чего-нибудь и надыблю.

– Да, Сашенька сегодня уже больше не даст.

– Не грехи, дружок, отдай два года Родине должок! – пропел Пашка, громко зевая. Подняв культю, он подтянулся на руках и вновь плюхнулся в инвалидную коляску. Лихо развернулся на месте и покотил по палатам.

Свят очнулся от неприятного звука, от какого-то странного скрежета. Сел на койке, свесив ногу. В углу, закинув руки за голову, громко сопел и мычал во сне Пашка Голов. В темноте тихо всхлипывал Макс, накрывшись с головой одеялом. Станный скрип доносился от окна, где лежал загипсованный Вишняков.

«Черт! Как же я сразу не догадался, – парень оглянулся в сторону спящего прапорщика. – Ведь это Михалыч от боли зубами скрипит». Свят, опустив голову, уставился на свою ампутированную выше колена ногу: «И почему он тогда наступил на эту, будь она проклята, сплюсненную ржавую консервную банку, под которой оказалась мина? Взрывом оглушило, разметало, отбросило в колючий кустарник. Вместо ступни – страшное месиво, кровавые лохмотья и адская боль. Ромке, Секирину и Чахе повезло, почти не зацепило, а вот Трофимову нет: «гостинцы» пришились тому в спину. Если б он носил «броник», наверняка остался бы жив. Но «собр» всегда говорил, пусть лучше пуля его продырявит навывлет, чем в «бронике» переломает все кости и наматает кишки.

Свят не помнил, как матерился, перетягивая ему ногу, Володька Кныш; как настойчиво хлопал его по щекам легко раненый Чаха, чтобы он не ушел в «отключку». Единственное, что он запомнил, как по двору носились, кудахта, обезумевшие рябые куры, как Ромка Самурский, склонившись вплотную к его лицу, что-то громко кричал, оскалив белые зубы.

Нащупав в изголовье койки костыли, Свят встал и, опираясь на них, вышел в длинный темный коридор. Медленно доковылял до стола дежурной сестры. Эллипс света от настольной лампы выхватывал из темноты склоненную над книгой светлую аккуратненькую головку медсестры Сашеньки.

- Ты почему не спишь? Болит? – обеспокоено спросила она, поднимая свое милое лицо с пухленькими щечками.

- Не спится, Сашенька. Болит. Пойду посмолю. Потом кольнешь, хорошо?

Выйдя на лестничную площадку, устроился на сложенных костылях. Закурил. Вроде полегчало.

«В институт не прошел, засыпался на экзаменах. Болел ангиной, «лакунарная» называется, не дай бог кому-нибудь такой прелестью переболеть. Даже глотать было больно, не то что извилины напрягать. Завалил математику. Расстроился. Тут еще повестка в армию. Хорошо, что у Маринкиных предков знакомая «шишка» в военкомате. Свят им как родной, как-никак с двенадцати лет с их дочкой вместе танцует. Старшего сына-то они потеряли три года назад. Братишка Маринкин, Аркаша, на Кавказе погиб на горной реке. Увлекался водным туризмом. На байдарке перевернулся с напарником на порогах в ущелье Волчьих ворот. Нашли их через пару дней искалеченных до неузнаваемости в нескольких километрах вниз по течению. Так что Свят им как сын родной. А у него и друзей-то настоящих нет, все время с Мариной. То соревнования, то тренировки, то сборы. Даже ночует иногда у них, чтобы через весь город по темени не тащиться домой. Мать все обижается, ворчит. Говорит, сынок, может, совсем туда переберешься? Сама, конечно, рада, что все у него хорошо сложилось. Есть серьезное увлечение танцами, неоднократный призер, есть любимая девчонка. Что не попал в дурную компанию, как его закадычный друг детства Алик Матвеев, который угодил в тюрьму за грабеж и наркотики.

Так вот, позвонили Маринкины родители своему знакомому. Не успел Свят и глазом моргнуть, определили его по блату вместо Дальневосточного округа в местную часть внутренних войск. Повезло ему жутко, как дяде Косте, которого когда-то вытурили за «хвосты» из института, и он загремел во флот. Правда, боевые корабли он видел только на картинках да из окна казармы, потому что всю свою военную службу проиграл в волейбол за Черноморский флот, так как в свое время юношей играл за сборную команду Москвы. Вот и у Свята служба была не хуже, сплошная лафа, устроился, как у Христа за пазухой: постоянные танцевальные турниры, то зональные, то региональные. Так закрутился, что почти забыл не только о службе, но и как выглядят суровые рожи родных командиров.

Но командование части не забыло про замечательные способности рядового Чернышова. Решило к женскому празднику подготовить творческими силами полка концерт для солдатских матерей и их любимых чад. Тут уж ему пришлось попотеть. Выступить в роли педагога, тренера и участника. На восьмое марта он танцевал с медсестрами Татьяной и Людой танго, румбу, фокстрот и вальс в Доме офицеров. Месяц он натаскивал своих симпатичных партнерш, хоть девушки были и понятливы, все равно получилась халтурка та еще. Чувствовалась в движениях какая-то скованность. С их звездным дуэтом, конечно, не сравнишь. Он и Марина

были как одно целое, неразделимое. Долгие годы упорных тренировок и выступлений превратили их в единый заведенный механизм, абсолютно не дающий никаких сбоев. А как они танцевали джайв или румбу! Нет, это надо видеть! – Свят улыбнулся, вспоминая последний турнир. – Даже их кумиры, экс-чемпионы Тимонин и Беликова, обратили на них внимание».

– Кто он теперь? Обрубок! Жалкий обрубок! Калека! Джон Сильвер, твою мать! – он зло засмеялся. – Мересьев, бля!

«И все из-за лысого козла Басаева. Если б не полез этот мудака в Дагестан, не ковылял бы Свят сейчас на костылях по госпиталю. Не страдал бы от фантомной боли. И Пашка Никонов не сложил бы головушки в том бою. Свят как сейчас помнит, какой взгляд был у Пашки, когда он обернулся, прежде чем нырнул вслед за Тимохиным в проход между сараями. Это был потухший взгляд, взгляд обреченного на смерть».

Вновь глубоко затянувшись, Свят устало прикрыл глаза. Перед ним сверкал яркими огнями танцевальный зал. Звучала музыка. Гудела, кричала, хлопала восторженная публика. Объявили пасодобль. Темпераментно вытанцовывали пары соперников. Маринка с обворожительной улыбкой Кармен в сверкающем облегающем платье стремительным «плащом» кружилась, вращалась, изгибалась перед ним, подчиняясь каждому его движению. Шассе вправо, шассе влево, фалловой виск, обратный фалловой, ля пассе... Высокоподнятая грудь, широкие опущенные плечи, наклоненная вперед голова. Он, то тореадор, то бык. Она же – его плащ. Бандерильяс, сюр плейс, фламенко тепс, плащ шассе... Вот мелькает ее гибкая талия, обнаженные спина и плечи, зеленые лучистые глаза... Апель, твист поворот, атака, испанская линия...

– Где жестко фиксированная голова! Не вижу! – доносится до него сердитый голос Анны Петровны, их педагога по латиноамериканским танцам. – Фиксируй голову!

Сашенька, обеспокоенная долгим отсутствием Свята, отложила книгу и направилась на его поиски. Нашла она его на лестничной площадке, рядом с урной для окурков. Он сидел, неподвижно откинувшись спиной к стене, на сложенных крест-накрест костылях. Сбоку от него под опущенной рукой по кафельной плитке расплылась темная лужа крови...

У перил, прижав ладони к заплаканному лицу, стояла перепуганная Сашенька. Над Святом склонились дежурный хирург Елистратов и медсестра из соседнего отделения.

– Фиксируй голову!